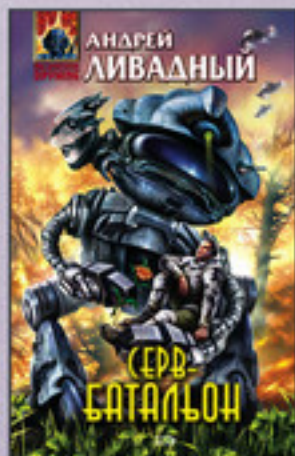

Андрей Ливадный

Дождь

*Часть сборника
Серв-батальон (сборник)*

Экспансия: История Галактики

Андрей Ливадный

Дождь

«Автор»

2007

Ливадный А. Л.

Дождь / А. Л. Ливадный — «Автор», 2007 — (Экспансия:
История Галактики)

Потерянная колония времен Великого Исхода. Еще одна страница истории освоения дальнего космоса... Ещё одна планета, где страх восстания машин стал навязчивым. И где люди стремятся уничтожить всех до единого киборгов ...

Содержание

1	5
2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Андрей Ливадный

Дождь

1

Старое шоссе, ведущее к границе терраформированных территорий, начиналось от города. Пологий съезд прорезал цокольный этаж мегаполиса, перетекая в скоростную трассу там, где высились давно не функционирующие, распахантые настезь ворота.

Внедорожник службы климатического контроля, тащивший за собой массивный прицеп с аппаратурой, появился на съезде незадолго до сумерек. Автомобиль, шелестя по крышкам и озаряя отвесные стены рукотворного ущелья периодически включающимися стоп-сигналами, накатом преодолел спуск и послушно остановился, повинувшись жесту вооруженного охранника, дежурившего у установленных в шахматном порядке бетонных плит, затрудняющих скоростное движение.

– Блокпост. – Не оборачивая, произнес водитель.

На заднем сидении внедорожника шевельнулась полноватая фигура.

– Спокойно, Кирилл. У нас все в порядке. – Раздался голос. – Охрана предупреждена о выезде.

Водитель кивнул, но все же протянул руку, сняв оружие с предохранителя. Тяжелый автоматический пистолет, рассчитанный под патрон с химическим наполнением, лежал на пассажирском сидении под небрежно брошенной курткой.

– Не понимаю, что произошло. – Он говорил, продолжая следить за действиями человека, не спешившего к машине, – охранник отступил, с подозрением рассматривая внедорожник. – Никто ведь не нападал на город. Почему люди опять всполошились, выставили посты?

– Утрата знаний провоцирует подозрительность, обостряет фобии. – Ответил пассажир. Не смотря на явную напряженность момента, он даже не поменял позы.

– Какие у современного поколения могут быть фобии, док? Они даже не помнят бунта машин.

– Охота на ведьм... – скупое и не совсем понятно ответил его собеседник. – Кто-то порылся в архивах, раскопал материалы по бунту, и использовал информацию в своих интересах. Не забывай, что в среде людей идет постоянная борьба за власть.

– Не проще ли подчистить архивы? – Буркнул Кирилл, исподволь наблюдая за охранником, которому только что небрежно, приветственно помахал рукой.

– Нет, не проще. Перекраивать, либо купировать историю – последнее дело...

– Все, молчим. Он уже близко. – Кирилл выглянул через проем опущенного бокового стекла. – Привет, Найл! Ты что сегодня такой хмурый? Или не узнал?

– Не дергайся. Куда собрались, на ночь глядя? – Грубо спросил охранник. Не нужно было быть психологом, чтобы понять – за грубостью скрывается страх. Страх перед неведомой опасностью, степень которой каждый преувеличивал для себя в силу собственной фантазии.

Действительно – охота на ведьм... – Подумал Кирилл, произнеся вслух:

– Аппаратуру везем на станцию.

– Оружие есть?

– Конечно. – Кивнул Кирилл. – Куда без него? А что случилось, можешь сказать?

– Вот грохнут вас, тогда узнаешь. – В глазах охранника, наконец, промелькнул откровенный, плохо скрытый страх. Его небритый кадык дважды дернулся – Ты что, Кирилл, действительно ничего не знаешь?

– Нет. Когда мне собирать слухи? Мы в дорогу готовились. – Спокойно ответил водитель.

– Двух киборгов сегодня застрелили. При попытке к сопротивлению. Я думал сказки, – Найл сплюнул. – Оказалось – нет.

– Вот блин... – Кирилл сокрушенно покачал головой. – А как их распознали?

– Детектором. Он реагирует на металлокерамику. Собрали по древним чертежам. Вот я теперь думаю, сколько среди нас оборотней? – В глазах Найла снова прорвался тонуций в адреналине страх, его рука машинально переместилась на пистолетную рукоять короткоствольного автомата. – Вот ты, – он приподнял ствол оружия, – чем докажешь, что человек?

– Рехнулся? – Укоризненно покачал головой Кирилл. – С какой радости я тебе должен что-то доказывать? Ты сам-то проверялся на детекторе?

Найл онемел от такой наглости. Секунду казалось, что он сейчас взорвется негодованием, но нет, пронесло...

– Ты рот свой закрой, идиот! – Сипло выругался он, оглядываясь в очевидном страхе, что слова Кирилла мог услышать кто-то еще.

– Ладно, забудь. – Примирительно произнес водитель. – Мне как, ехать можно? Или будем тут с тобой препираться, кто из нас человек?

– Да езжай, придурок, если тебе жизнь не дорога! – Вспылил охранник. – Я тебя предупредил. Киборги не миф.

– Ну, если встречу – им же хуже будет. – Ворчливо огрызнулся водитель. – Я за городом сначала стреляю, а уж потом разбираюсь, кто есть кто.

* * *

Через семь часов, уже в предрассветных сумерках машина свернула с трассы, направляясь к строениям заброшенной агротехнической фермы.

Свет фар скользнул по нежилым постройкам, выхватил из мрака, сгущавшегося между зданиями, контуры двух почвоукладчиков, брызнул бликами в осколках стекла, и погас.

Кирилл вылез из машины, подошел к прицепу, отсоединил его, и произнес, обернувшись на звук хлопнувшей дверцы:

– Нельзя мне возвращаться в город.

– Как поступим? – Спросил полноватый низкорослый человек, выбираясь из машины.

– В духе времени. – Недобро усмехнулся Кирилл, вспомнив перекошенное лицо Найла. – И тебе заодно пропуск в город обеспечим. – Он обошел внедорожник и, подняв оружие, трижды выстрелил в лобовое стекло, точно рассчитав, чтобы пули не задели цепи управления. – Кровь еще есть?

– Есть.

– Один контейнер дай...

– Держи.

Кирилл открыл водительскую дверь и щедро плеснул консервированной кровью на сидение.

– Застрелили меня. А ты едва вырвался. Поэтому возвращаешься без прицепа, – все бросил. Думаю, при таком раскладе проверка на детекторе тебе не грозит. Они станут пялиться на кровь и даже не вспомнят про прибор.

– Согласен. Ты справишься сам?

– А что мне остается? Конечно, справлюсь, не в первый раз...

– Только учти, я не успел восстановить ему память.

– Разберусь. Как его имя? – Он покосился на прицеп, где вместо аппаратуры климатического контроля под прорезиненным тентом находилась мобильная камера биологической реконструкции.

– Его зовут Остин. Большого мне выяснить не удалось. Не хватило времени.

– Хорошо хоть имя узнал. Ладно, давай, помоги мне с прицепом, а потом сразу езжай.

2

Год спустя...

Томилась природа. Томилась в ожидании дождя. Рваные и редкие тучи – светлые, озаренные предзакатным солнцем, свинцово-серые снизу и рдеющие по краям, медленно ползли по небу, то скрывая диск светила, то вновь позволяя палящим лучам изливаться на притихшую в ожидании влаги листву.

Ни ветринки. Воздух густой, его не вдыхаешь, а будто пьешь.

Тучи не тучи. Идут стороной, не сплошным фронтом, – рваными клочьями, только сулящими надежду на дождь, но скорее обманут, чем прольются живительной влагой.

Остин не понимал, что с ним происходит.

Он был убежден, что родился не здесь и не вчера, но память саботировала, отказывала ему в доступе к прошлому. Смутные видения, что посещали его во снах, заставляя просыпаться в холодном поту, не в счет. Степень достоверности подобной информации сомнительна.

Земля между пальцами рассыпалась, сухие комочки с шуршанием собирались в коническую горку.

Пожалуй, еще неделю растения выдержат без воды. Корневая система у них уходит вглубь почти на два метра, там влага пока держится.

Рассудок Остина требовал действия, но что он мог предпринять?

Хороший вопрос. Сидеть на потрескавшейся от засухи земле, бесцельно просеивая ее меж пальцами, ему надоело.

Надо бы пойти к Кириллу, посоветоваться с ним. – Остин встал, отряхивая пыль с одежды.

Неподалеку высились строения полуразрушенной временем агротехнической фермы. Здесь Остин год назад очнулся от непонятной ему формы небытия, тут прожил неполные тринадцать месяцев, общаясь только с Кириллом – таким же, как и сам Остин, созданием – не человеком, и не машиной. . .

Он, конечно, подозревал, что единственный друг и собеседник, каким-то образом причастен к его возвращению в мир, однако данная тема являлась запретной, по крайней мере при разговоре Кирилл всячески старался ее избегать.

...Направляясь к ферме, Остин миновал высохшее поле, затем ступил под сень чахлого перелеска, взглянул на деревья, погибающие от недостатка влаги, и вдруг остановился от внезапно полыхнувшей в сознании мысли:

Нужно идти в город.

То, чего боялся и втайне ждал – случилось.

Смутные, малопонятные пока образы вырвались из глубин памяти осколочными фрагментами – еще не воспоминания о прошлом, но нечто близкое к ним, проходящее на уровне подсознания.

Город.

Он виделся смутной глыбой, нагромождением сумеречных геометрических форм, разделенных на кварталы и уровни, пронизанных множеством тоннелей, улиц, автомагистралей.

Загадочное, таинственное и одновременно – роковое место, где с Остином однажды случилось непоправимое.

Единственное более или менее четкое воспоминание было связано с моментом его собственной гибели.

Внезапная слабость заставила его остановиться, ухватившись рукой за ветку дерева.

Память, возвращения которой он так страстно желал, брызнула ночными огнями мегаполиса, отдалась в висках грохотом торопливых шагов, металлическим лязгом затворов полуавтоматического оружия, гортанными выкриками загонщиков:

- Он свернул направо!
- Я по параллельной улице!
- Дома! Следите за пустующими домами!
- Нелюдь, тварь! Не уйдет!

Короткая тупиковая улица. Входы в техническую зону мегаполиса не просто заперты – замурованы.

Данные, хранившиеся в памяти, подвели его. Вместо входа на уровни технических коммуникаций он оказался в ловушке, тупике.

Ярость. Вспышка жизненной энергии, давшая силы проломить рукой наспех возведенную кладку.

Спасительный красноватый сумрак технического коридора. Приближающийся звук шагов.

Отверстие, пробитое в стене, замуровавшей тоннель слишком мало для бегства.

Он обернулся, услышав сиплое дыхание за спиной.

Лицо человека, перекошенное гримасой ненависти и страха. Армейский пистолет в дрожащих руках.

– За что? – Хрипло спросил Остин, отчетливо понимая, что случится в следующую секунду.

Ответом стал выстрел.

Короткий эмоциональный шок воспоминаний налетел, будто порыв ветра и тут же утих, будто жуткое по своей сути событие прошлого не нашло должного отклика в рассудке, налетело на незримую преграду и... осталось по ту сторону мутного стекла.

Остин удивился тому рассудительному спокойствию, с которым он воспринял внезапное возвращение частицы утраченной памяти.

Все равно я должен туда пойти.

Понимание задачи происходило на подсознательном уровне и обладало большим воздействием на разум, чем память о моменте собственной гибели.

Остин ощущал, как в рассудке стремительно шириться некий процесс обработки данных. Перед «внутренним взором» вновь стали возникать обрывочные, вспышечные образы, но теперь они уже не несли драматизма эмоций.

Мрачные, плохо освещенные коридоры технических уровней.

Агрегаты, на которых даже при беглом, скользящем взгляде читались надписи: «Доступ ограничен. Аппаратура атмосферного процессора».

Остин погружался в бездонную пучину фрагментированных, не связанных в единую смысловую картину образов.

Почему взгляд скачущий, не задерживающийся ни на одной детали?

Бег?

Похоже...

Вырванные из глубин прошлого воспоминания исчезли так же внезапно, как и возникли, но напоследок остолбеневший, сбитый с толку Остин увидел схему коммуникаций, какой-то план, с недвусмысленным маркером, и выровненные в столбец коды.

Все.

Врата прошлого вновь наглухо закрылись.

Идти к Кириллу расхотелось.

Он присел на нагретый, поросший рыжеватым мхом камень, и вновь задумался.

Вместе с прорвавшимися зрительными образами пришло много иной информации, – не полной, обрывочной, но все же подтверждающей некоторые полученные за последние месяцы знания, или дающей частичные ответы на волновавшие Остина вопросы.

Как будто ему открылся доступ к поврежденным базам данных.

Люди... Хрупкие биологические существа, преодолевшие бездну космического пространства и заселившие данный мир. Так в скупых формулировках охарактеризовал их Кирилл, опять-таки не вдаваясь в подробности и пояснения.

Почему он так осторожен в общении со мной?

Ответ Остин не нашел, и его мысли, подстегнутые внезапным пробуждением памяти, вновь вернулись к засухе. Картины собственной гибели, конечно же взволновали его, но не лишили здравомыслия. Просто проблема, над которой он размышлял уже много дней подряд, приобрела новые факторы риска и новые возможности ее разрешения.

С тем, что происходило в прошлом он рано или поздно разберется. Однако настоящее требовало немедленного вмешательства в сложившуюся ситуацию. Не первый месяц наблюдая за погодой, Остин все тверже приходил к пониманию: грядет экологическая катастрофа, перед последствиями которой блекли драмы прошлых лет.

Итак, что есть в активе?

За климат отвечает некая установка, расположенная в недрах города. Теперь я знаю, что она называется «атмосферный процессор». И еще – размышлял Остин, – когда-то я, по всей видимости, был связан с вопросами контроля климата.

Выходит я действительно смогу что-то изменить?

Собственно он же не для себя, не только ради индивидуально проделанной работы, любимых, нежно взлелеянных растений, – речь сейчас шла уже обо всей окружающей природе. Плохо без дождя. А откуда ему взяться, когда по наблюдениям засуха грядет нешуточная. Если в положение дел никто не вмешается, то одним «сухим сезоном» дело не завершится, за ним придет следующий, потом еще одно засушливое лето с такими вот сиротливыми обрывками облаков, а дальше уже и глобальные изменения не за горами.

Значит надо идти. Сидеть и рассуждать легко, ему лично (если не брать в расчет любовь ко всему живому) засуха особого вреда не принесет. Но жить в пустыне? Нет уж. От одной мысли становилось не по себе.

Отсюда до города – четыре дня пешего пути, – мысленно прикинул он, вспомнив немногословные пояснения Кирилла. – Сколько времени уйдет на медленное, тягучее и опасное продвижение по уровням мегаполиса он не знал: все внешние входы в зоны технического контроля замуровали еще лет сто назад, после так называемого «бунта машин». Чего бунтовали – Остин не помнил.

Нет, на людей он зла не держал. Жизнь штука сложная. Она не грядка, на которой запросто можно рассортировать, что есть полезное, культурное растение, а что сорняк. Жизнь она... ну как дикое целинное поле, смешанный травостой, – все сосуществует в гармонии, и с лесного луга, например, сорняков уже не потаскаешь, там каждая былинка друг с другом связана.

Так и в жизни. Нет четкой градации – вот ты плохой, а ты хороший. Особенно размыты подобные понятия у людей.

Пойду, – решил он, вставая с камня. – Попытка спасти окружающую природу стоит риска.

* * *

Будущее не предопределено. И ты никогда не угадаешь, что от него ждать.

Любимые фразы Кирилла, который на протяжении года являлся для Остина единственным собеседником.

Мысль, впрочем, справедливая.

Вернувшись домой и открыв подпол, где хранилось различное снаряжение, Остин начал собираться в путь. Он брал всего понемногу – и запасных нейромодулей, и пару автоматических пистолетов, и пищевых таблеток, – теперь вылазка в город в его понимании стала все равно, что путешествие на край света, в самую неизвестность, не знаешь, что точно понадобится, а что нет, не предугадаешь кого встретишь, с какими опасностями или напротив – благоприятными обстоятельствами столкнешься.

Смутная, пробудившаяся память о событиях прошлого подсказывала: надеяться на авось, или на чудо нет смысла. Люди по непонятной причине не любили себе подобных, хотя настоящего повода для вражды (как интуитивно предполагал Остин) вроде и не было. Или был, но его истоки уже прочно скрыты наслоениями прошлого, они часть давней истории, памяти о которой у него не сохранилось.

Размышления не мешали сборам в дальний путь.

Старая, изрядно потрепанная одежда, которую однажды принес Кирилл, теперь пригодилась. Брюки, куртка и кроссовки скроют многое, но конечно не все.

...Снаружи раздались шаги, тихо клацнул замок двери.

Остин продолжал сборы.

Через минуту проем двери, ведущей в подвал, заслонила тень.

– Остин, привет.

– Здравствуй, Кирилл. – Он выпрямился, обернулся, ответил на рукопожатие.

– Что происходит? – Сдержано осведомился Кирилл.

– В город собираюсь.

– В город? С чего вдруг?

– Из-за засухи. – Остин присел на пустой пластиковый ящик. – Я сегодня размышлял над тем, могу ли что-то изменить, и внезапно вспомнил частицу своего прошлого.

– Момент гибели? – Тут же насторожился Кирилл, покосившись в сторону приготовленного Остином оружия.

– Если ты сейчас подумал о мести, то ошибся. Момент своей гибели я действительно вспомнил, но у меня слишком мало информации, чтобы кого-то судить.

– Тогда зачем тебе в город?

– Атмосферный процессор. – Лаконично ответил Остин. – Если верить воспоминаниям я когда-то имел доступ к комплексам климатического контроля.

– Возможно... – Хмуро кивнул Кирилл.

– Я вспомнил кое-какие коды. К тому же мне известен план технических коммуникаций, ведущих к ядру атмосферного процессора.

– Этого мало. Ты не можешь утверждать что коды, промелькнувшие в твоём рассудке именно те, что необходимы для рестарта сбойных программ контроля климата, а что касается схемы коммуникаций, – то до технических уровней еще нужно добратся. Боюсь осуществить это будет сложнее, чем перезапустить автоматику контроля климата.

– И все же я попытаюсь.

Наступила неловкая пауза.

– Остин, я хочу спросить: тебе оно надо? – Кирилл не скрывал своей обеспокоенности по поводу решения друга непременно идти в город.

– Оглянись вокруг. – Скупое посочетовал Остин. – Природа умирает. Она в чем провинилась?

– Да, дождь нужен. – Согласился Кирилл. – Но ты представляешь, с каким риском связано путешествие в город?

– Не очень. – Пожал плечами Остин. – Я же там не был... давно не был.

– А я недавно ходил. – Неожиданно признался Кирилл.

– Зачем?

– По делам. – Ответ прозвучал уклончиво. – Все сильно изменилось. Лет десять назад я не стал бы тебя отговаривать, но поверь мне на слово, – древние фобии возродились, люди снова начали «охоту на ведьм», город теперь больше похож на крепость, находящуюся в осадном положении...

– Кто осаждает его? – Заинтересованно спросил Остин.

– Они считают, что мы.

– Но мы не ведем войны!..

– Верно. Однако жителям мегаполиса достаточно одного факта существования поселений вне городской черты. Они помнят о «бунте машин», и считают нас своими врагами.

– Это не так.

– Только не пытайся втолковать горожанам, что мы просто живем, не желая никому зла.

Они не поймут тебя.

– Почему?

– Страх. – Скупое ответил Кирилл.

– Страх? Ты знаком с подобным ощущением? – Удивленно переспросил Остин.

– Мы все с ним знакомы. – Кирилл присел на край слесарного верстака. – Только называем его иначе. Инстинкт самосохранения не чужд и нам, верно?

Остин согласно кивнул, продолжая сборы. Он оделся, и теперь застегивал магнитные липучки обуви. Оружие лежало на столе, рядом с ним тускло поблескивали снаряженные обоймы.

– Не передумал?

Остин отрицательно покачал головой.

– Бунт машин... – Задумчиво произнес он, пристально посмотрев на Кирилла. – Ты помнишь, как все случилось?

Кирилл ответил не сразу.

Бунт машин...

Само словосочетание звучало неверно. Бунтовать могут как раз люди, зачастую тяжело и бессмысленно, а машины – создания предсказуемые. Другое дело – подобные ему и Остину кибернетические организмы. Он прекрасно отдавал себе отчет, в том, что имеет все признаки, как машины, так и человека: дышит, чувствует, осознает себя, нуждается в пище, ему трудно существовать вне природы, и в то же время сознание у Кирилла было иным, в нем отсутствовала стихия человеческого бунтарства, которая лежит в истоках многих необдуманных поступков. Как будто чувства не такие острые, нивелированные логикой, и в то же время более окончательные, чем у людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.